

Глава 67. Перед Рассветом (6)

В конце звонка Тан Цю попросил Ци Хуэя сказать Чжоу Дахаю, чтобы тот попытался исследовать чердак.

Из того факта, что этот Чжоу Дахай был заперт в простом подвале так долго и напуган до смерти таким неагрессивным призраком, как Юй Ваньюэ, можно было увидеть, что он не очень надёжен.

— Давайте сначала разберёмся с отношениями персонажей и временной линией. — Доставая тканевый мешок, Тан Цю вытащил предметы, которые он добыл в кабинете и комнате Ваньюэ.

Трое сели в круг рядом с телефоном. Ци Хуэй ещё мог понять первые несколько наблюдений, которые сделал Тан Цю, но чем дальше шёл анализ, тем больше он запутывался, и ему пришлось задавать вопросы.

— погоди, ты сказал, что молодая служанка хочет забраться в постель к хозяину, это я могу понять, но почему расчленённый труп связан со служанкой?

В любом случае, он был напарником, и они все были в одной лодке, поэтому Тан Цю терпеливо достал порванный клочок бумаги, найденный за зеркалом в общей ванной, и старую перьевую ручку, найденную в комнате служанки:

— Напиши любые два иероглифа.

С большим сомнением Ци Хуэй написал два случайных иероглифа. Письмо было не очень гладким, потому что кончик пера был немного раздвоен, что легко цеплялось за бумагу при письме.

Но что это означало?

Ци Хуэй внимательно посмотрел на слова на порванном клочке бумаги, сравнил со своими и наконец понял. Слова на бумаге выглядели точно так же, как написанные им, так что служанка действительно была подозрительной.

— Но что, если она писала это вместо кого-то другого? Разве служанка не должна быть довольно близка к госпоже? Госпожа больна, так что, возможно, она не может писать.

— Но кажется, что на иероглифах неестественно сильный нажим, и в письме были странные паузы. — Когда человек писал то, что уже было у него в голове, это выглядело бы иначе, чем когда кто-то пытался подражать чьему-то почерку. Если служанка помогала госпоже писать, не было необходимости намеренно подделывать почерк госпожи.

Служанка тайно спрятала старую перьевую ручку и подделала почерк госпожи, чтобы тайно общаться с человеком на чердаке. Почему? Потому что она хотела переложить вину на госпожу. Это соответствовало её мотиву нарядиться, чтобы соблазнить хозяина, но хозяин, похоже, не оценил этого и убил её одним выстрелом.

Моргая глазами, Ци Хуэй наконец смог следовать дедукции Тан Цю:

— Также было намеренно устроено, чтобы клочок бумаги нашёл гость? Плохие вещи в доме не должны становиться известны посторонним. Если бы это стало известно, госпожа определённо умерла бы мучительной смертью.

Тан Цю не ответил, но всякий раз, когда он пытался раскрыть дело, он не колебался предположить, что любой преступник должен был питать самую зловещую злобу, совершая преступление. Служанка определённо сыграла роль во всей этой истории, но она также недооценила любовь хозяина к своей жене.

Хотя эта любовь, вероятно, была смешана с бесконечной ненавистью.

— Дневник Юй Ваньяня упал рядом с телом служанки. Многие страницы были залиты кровью, но некоторые всё ещё можно было прочитать чётко. — Тан Цю поднял дневник, перелистнул на одну из страниц и прочитал вслух: — 24 июня 1924 года. Я ненавижу её, но я всё ещё люблю её. Я знаю, что её сердце, возможно, не моё, но она будет похоронена со мной.

— А? — Услышав это признание в любви, звучавшее не иначе как угроза смерти, Ци Хуэйу нечего было сказать.

Цзинь Чэн улыбнулся с пониманием:

— Ты думаешь, что 24 июня 1924 года — это время на твоей стороне?

Тан Цю кивнул:

— Да.

Теперь Ци Хуэй стал ещё более любопытным к этому очень сложному «любовному многоугольнику»:

— Значит, в конце концов, между госпожой и Юй Ваньюэ на чердаке были..эм...отношения, перешедшие границу?

— Если нет, то разве Юй Ваньянь превратил свой собственный дом в железную клетку, отравил свою жену и запер своего брата на чердаке просто чтобы сделать себя Ань Цзяхэ времён Республики Китай?

— Ань Цзяхэ? Кто???

— «Не отвечай незнакомцам».

Услышав это, Ци Хуэй наконец вспомнил ночной кошмар своего детства — телевизионную драму. Даже будучи сейчас взрослым мужчиной, он вздрогнул.

Тан Цю достал фотографию семьи и продолжил:

— 3 января 1923 года четыре человека в особняке были живы и по крайней мере поверхностно счастливы. 25 декабря 1923 года Юй Ваньюэ умер. Его брат Юй Ваньянь устроил для него мемориальный зал в подвале, но распространил в газетах новость, что тот уехал учиться за границу, так что очевидно, что он хотел скрыть смерть Юй Ваньюэ. 24 июня 1924 года гость нашёл записку служанки в общей ванной и был убит.

Цзинь Чэн продолжил:

— В 1926 году молодая служанка не смогла соблазнить хозяина и была убита. Логично предположить, что Юй Ваньянь уже знал, что записка была подделана. Даже если он был в ярости и не в своём уме во время убийства, это всё же был почерк его жены, человека, которого он знал лучше всего. Он скорее убьёт, чем позволит истории просочиться наружу, но

в то же время не примет попыток служанки забраться в его постель. Не должно было потребоваться много времени, чтобы он обнаружил подлинность почерка.

Эти две причины привели к смерти молодой служанки. Перед смертью она увидела дневник Юй Ваньяня и узнала, что как бы она ни старалась, она не сможет достичь своей цели стать следующей госпожой. Возможно, она умерла в сильной ярости.

— Дворецкий — доверенное лицо Юй Ваньяня. Нет сомнений, что он был вовлечён во всё. Госпожа, возможно, также наняла кого-то, чтобы помочь ей в этом особняке Юй. Этот человек, скорее всего, служанка средних лет. Она кажется жадной до денег и даже ворует вещи — раз она жадная до денег, значит, её легко можно купить.

— Что она делает для госпожи?

— Передаёт записку Юй Ваньюэ.

— Но разве ты не сказал, что её подделала служанка?

Тан Цю поднял глаза, чтобы посмотреть на Цзинь Чэна, и Цзинь Чэн сразу понял, что он имел в виду. Стоя между двумя боссами, смотрящими друг на друга, Ци Хуэй был полностью потерян.

Цзинь Чэн был в хорошем настроении, поэтому он взял на себя инициативу объяснить:

— Разве я не упоминал ранее? В этом измерении 1926 года есть ещё один клочок бумаги на чердаке, который Линь Вань написала Юй Ванню, говоря, что она освободит его.

Тан Цю кивнул. Эта записка на самом деле была чем-то, что доказывало, что служанка действительно подделала записку в 1924 году, потому что две подписи были разными. Одна была подписана «Твоя Ваньвань» в намеренной попытке быть интимной, в то время как другая была подписана просто «Линь Вань».

Судя по отношению призрака Линь Вань к Юй Ваньюэ, даже если между ними могли быть чувства, они в основном были безответными со стороны Линь Вань. Если это не были романтические чувства, то это должна быть вина Линь Вань.

— Это что-то доказывает. — Юй Ваньянь скрыл смерть Юй Ваньюэ, потому что даже Линь Вань думала, что настоящий Юй Ваньюэ содержится на чердаке.

— А как насчёт того, кто на чердаке?

Цзинь Чэн наклонил голову и подумал:

— Двойник?

Тогда этому двойнику должно жить очень грустно, искренне скорбил о нём Ци Хуэй от всего сердца.

После этого Цзинь Чэн попросил Ци Хуэя снова попробовать позвонить. После двух звонков ему наконец удалось дозвониться, в этот момент Чжоу Дахай бросился к телефону и тяжело дышал, но он наконец принёс им относительно полезную подсказку.

— Под кроватью нет иероглифов, но в щелях на полу чердака есть кровь. Я нашёл использованную иглу под кроватью и лекарства в ящике, но смог распознать только один тип:

аспирин.

Аспирин был западным лекарством. Во времена Республики Китай он полностью импортировался и всегда продавался по завышенным ценам, и было мало каналов для его получения. Тан Цю не думал, что Юй Ваньянь будет так хорошо обращаться с двойником Юй Ваньюэ. В сочетании с тем, что под кроватью не было иероглифов, Юй Ваньюэ действительно был заперт на чердаке в 1923 году.

Затем с 1924 года на чердаке начал жить другой человек. Времена, казалось, все совпадали.

Но какой человек был настолько неудачлив? Какое отношение он имел к этой истории?

Не говоря больше ни слова, Чжоу Дахай продолжил искать подсказки.

Тан Цю поднял блокнот, найденный им на теле дворецкого. Блокнот был очень маленьким, поэтому в нём были записаны события только за последний месяц, и записи были очень краткими.

Внимательно посмотрев, Тан Цю наконец увидел кое-что интересное.

[6 января:

Заменить лекарство госпожи.

Усилить двери и окна.]

[7 января:

Нанять новую служанку.]

На последней странице блокнота были записи за два дня подряд. 7 января могло быть временем смерти дворецкого.

Конечно, это могло быть и 8 января.

Замена лекарства госпожи, усиление дверей и окон и наём новой служанки — всё указывало на одно: факт того, что Линь Вань хотела освободить человека на чердаке, был раскрыт.

— Судя по всему, служанка средних лет, возможно, была первой, кого убили во время резни семьи 1926 года. Поведение госпожи разозлило Юй Ваньяня, но он не хотел убивать свою жену, поэтому обратил свой гнев на служанку.

Тан Цю согласился с этим умозаключением и, казалось, тоже кое о чём подумал.

Смерть служанки могла быть последней каплей. Линь Вань, которая была полностью прикована к постели, должна была осознать, что её план был раскрыт после того, как служанка средних лет не вернулась к ней. Новое лекарство также должно быть более ядовитым, чем прежде, поэтому Линь Вань умерла в отчаянии и превратилась в злобного духа.

Однако причина смерти Линь Вань всё ещё была подозрительной, потому что внешний вид её призрака показывал внешние раны. Она определённо умерла не просто из-за нового лекарства.

Молодая служанка не стала бы убивать госпожу, пока не смогла забраться в постель хозяина. Служанка средних лет и дворецкий были ещё более маловероятны. Тем временем человек на

чердаке всё ещё был заперт. Так кто же убил Линь Вань?

Кто убил её и заставил питать такую сильную обиду?

Тан Цю постепенно почувствовал, что история движется в чрезвычайно тёмном направлении. Он снова пролистал блокнот и заметил ещё одно сообщение.

[8 августа:

Барышня сказала, что хочет играть на фортепиано. Я тайно нашёл для неё нового учителя фортепиано, но солгал, что барышня будет брать уроки немецкого.]

Эта запись была очень особенной, потому что дворецкий был жёстким и непреклонным человеком. Все его записи были краткими, но только эта запись ясно излагала причину и следствие и даже немного его эмоций.

Это явно было что-то, что он хотел сохранить в тайне, но всё же записал полностью и подробно. С какой целью? Было ли это потому, что он чувствовал себя виноватым и хотел раскрыть свою собственную ложь в месте, где Юй Ваньянь мог бы узнать об этом, а затем ждать любых последствий, которые могут наступить?

Но неважно, что творилось у него в голове. Что было более важно — барышня училась игре на фортепиано.

Дома явно была комната с фортепиано, но она хотела тайно выходить на улицу, чтобы учиться, что показывало: обучение игре на фортепиано в особняке было табу. С одной стороны, из-за звука фортепиано в полночь, с другой стороны, было ли это из-за её предыдущего учителя фортепиано?

Термин, использованный дворецким, был очень интересен: «новый учитель фортепиано». Это означало, что должен был быть другой до этого.

— Человек, запертый на чердаке?

— Если твоя теория верна, Юй Ваньюэ умеет играть на фортепиано, и учитель фортепиано, конечно, тоже может играть на фортепиано. Предполагая, что был учитель фортепиано раньше, для такой богатой семьи учитель должен приходить сюда, чтобы давать уроки.

Ещё один угол истории был добавлен.

Однако это были лишь предположения без твёрдых доказательств. Тан Цю убрал большую кучу предметов и решил вернуться в комнату Юй Ваньюэ, чтобы взглянуть ещё раз.

Он спешил вниз только что и не обыскал это место тщательно. Более того, в комнате был Юй Ваньюэ, так что её можно было считать временной безопасной зоной.

Ци Хуэй всё ещё оставался охранять телефон.

Работа по охране телефона была скучной и ужасающей. Хотя на первом этаже не было такого призрака, как Линь Вань, другие призраки, блуждающие взад и вперёд в своих соответствующих областях, иногда проходили через дверь и заглядывали к нему.

Цзинь Чэн дал Ци Хую немного пепла для самозащиты, но это не могло облегчить страх Ци Хуэя, потому что он видел, как призрак Юй Ваньяня тоже высовывал голову из шкафа.

Как только он видел Юй Ваннюя, он сразу же думал об Ань Цзяхэ. Люстра над его головой слабо мигала, и всё более тусклое и мрачное окружение, сопровождаемое случайными призрачными рыданиями со второго этажа, посылало холод прямо к его ногам.

Ци Хуэй мог только бешено пытаться совершать больше звонков, даже когда никто не отвечал. Через некоторое время он почувствовал, что что-то не так.

Где был Чжоу Дахай?

Если призрак Юй Ваньюэ не был агрессивным, то измерение, где находился Чжоу Дахай, должно быть относительно безопасным. Даже если он пропустил первый и второй звонки, потому что был занят поиском подсказок, что насчёт третьего звонка?

И что насчёт четвёртого звонка?

— С Чжоу Дахаем что-то случилось!

В то же время, в измерении Чжоу Дахая.

Кинжал, сверкающий холодным светом, был прижат к шее Чжоу Дахая сзади. Всё тело Чжоу Дахая застыло, и он не смел оглянуться:

— Кто ты? Игрок или NPC? Что ты хочешь?

Человек позади заговорил голосом, который звучал так, будто мог испариться в любой момент, и было нелегко определить его возраст:

— Тебе не нужно знать. До тех пор, пока ты хорошо сотрудничаешь и не действуешь опрометчиво, я не убью тебя.

Чжоу Дахай быстро поднял руки:

— Я не буду двигаться, обещаю, не буду двигаться!

Этот человек должен быть игроком.

Чжоу Дахай так думал, но он не мог понять, был ли этот человек изначально из этого измерения или переместился сюда из другого. Информация, которую он получил от Ци Хуэя, была ограничена, и он всё ещё чувствовал себя так, будто был в тумане.

Позади него, куда не мог дотянуться его взгляд, человек достал карманный хронометр и опустил его с ладони. Циферблат хронометра естественно качался взад и вперёд в воздухе, его звук «тик-так» ворвался в уши Чжоу Дахая в мгновение ока. Он не мог видеть его, но внезапно в его уме появился хронометр, его стрелки двигались с невероятной скоростью.

Часовая стрелка, минутная стрелка и секундная стрелка вращались всё быстрее и быстрее, настолько, что он чувствовал, будто они оставляли шлейф при каждом повороте.

Совершенно ошеломлённый, Чжоу Дахай почти почувствовал себя потерянным внутри сна, пока —

День!

Настенные часы в гостиной громко пробили. Была полночь.

В этот момент он услышал жуткую, но весёлую «Песнь Бога, Ягнят и Ворона», доносящуюся из комнаты с фортепиано на втором этаже. Знакомая мелодия вызвала мурашки по всему его телу, и его мозг мгновенно пришёл в чувство.

Он не понимал, что происходило, но внезапно кинжала на его шее больше не было.

Оглянувшись, человек исчез.

— Святое дерьмо.

На другой стороне Ци Хуэй чувствовал себя не очень хорошо. Он понятия не имел, сколько его напарников вошло в этот инстанс, в то время как Чжоу Дахай, единственный, с кем он мог связаться, вероятно, был в опасности, что давало ему все мурашки по коже.

Тан Цю нахмурился, погружённый в глубокие размышления, в то время как Цзинь Чэн прищурился, словно думая о чём-то, и его холодный взгляд скользнул по окружению. Увидев это, Тан Цю бросил на него вопросительный взгляд.

Цзинь Чэн дважды подмигнул глазами в ответ.

Тан Цю понял, но Ци Хуэй не понял, поэтому он не мог не почувствовать головную боль — посмотрите, где мы находимся, как вы двое можете всё ещё небрежно подмигивать друг другу?!

В это время до полуночи 1926 года оставалось 56 минут.

Тревога Ци Хуэя длилась недолго, потому что Цзинь Чэн внезапно двинулся и, повернувшись к пустому второму этажу, громко сказал:

— Жун И, не прячься, выходи.

Никто не ответил.

Цзинь Чэн скрестил руки и спросил с улыбкой:

— Ты учишься у 5-летнего Мэн Юйфэя, страдающего энурезом, чтобы нанести мне скрытую атаку?

Ци Хуэй почувствовал знакомость, услышав имя Мэн Юйфэя, и в этот момент фигура появилась на углу лестницы, медленно входя в поле зрения троих.

Глаза Ци Хуэя расширились, потому что он действительно не ожидал, что кто-то действительно скрывается там!

Жун И!

Он вспомнил, кто это: номер 2 в Красном Списке!

Ци Хуэй чуть не выпалил ещё одно «блять», но сдержался.

Цзинь Чэн посмотрел на Жун И с улыбкой, не несущей улыбки, взглянул на карманный хронометр в его руке и сказал:

— Я всё гадал, кто эта скрытная кошка, так это ты. Номер 2 в Красном Списке и Повелитель

Времени. Разве не излишне для тебя вести себя так?

Жун И нёс холодное выражение лица, но его холодность отличалась от холодности Лэн Мяо. Лэн Мяо был холоден и по имени, и по внешности, его холодность действительно исходила изнутри; тем временем холодность Жун И, казалось, была пропитана меланхолией.

Он нёс подавленный вид, словно вся печаль этого мира лежала на его плечах. Никакого намёка на счастье на нём найти было нельзя.

— Если другая сторона — это ты, это необходимо. — Жун И открыл рот, лёгкость его голоса излучала воздух печали. Он остановился на лестнице и не спускался, используя действия, чтобы полностью выразить своё нежелание иметь дело с Цзинь Чэном: — Давай заключим сделку. Среди трёх измерений, которые были обнаружены до сих пор, кроме этого, все остальные достигли 12 часов. Игра на фортепиано закончилась, и единственное, чего мы можем ждать дальше, — это сам рассвет.

— И?

— Ты не знаешь точное время оставшихся двух измерений, не так ли? Если я также сделаю так, чтобы время здесь достигло 12 часов, ты полностью потеряешь шанс переместиться в те измерения.

— Ты действительно думаешь, что у тебя есть какой-то шанс сделать ход, если я здесь?

— Но прямо здесь ты не можешь убить меня. Пока ты не можешь убить меня, у меня есть шанс сделать ход. — Жун И сказал, и его глаза упали на Тан Цю: — Как ты думаешь, этот твой напарник сможет выяснить время других измерений до того, как я сделаю свой ход?

<http://bllate.org/book/13214/1272335>